

Мастерство работы со словом

Михаил Осадчий

Правовой самоконтроль оратора

 альпина
ПАБЛИШЕР

Михаил Осадчий

Правовой самоконтроль оратора

«Альпина Диджитал»

2007

Осадчий М.

Правовой самоконтроль оратора / М. Осадчий — «Альпина Диджитал», 2007

Как известно, слово – весьма опасное оружие, которое при небрежном использовании может нанести непоправимый вред не только слушателю, но и оратору. Например, может разрушить карьеру и существенно усложнить жизнь. Даже самый искусный оратор, виртуозно управляющий аудиторией, может невольно совершить преступление, если его речь будет воспринята как оскорбительная, порочащая честь и достоинство, призывающая к экстремистским действиям. А за этим может последовать судебное разбирательство и предусмотренное законом наказание, ведь незнание закона не избавляет от ответственности. Как избежать вербальных правонарушений? Лучший способ обезопасить себя – научиться говорить ярко, эмоционально, убедительно, не преступая при этом закон, как предлагает автор книги «Правовой самоконтроль оратора» Михаил Осадчий. Вместе с ним вы посетите суд, узнаете подробности нашумевшего дела журналистки против эстрадной звезды, познакомитесь с технологией проведения судебно-лингвистической экспертизы и научитесь юридически грамотно строить свою речь.

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Часть первая	10
1 Вербальные преступления против личности	10
1. Задетая честь, поруганное достоинство и опороченная деловая репутация	10
Выражение мнения и сообщение сведений: в чем различие	11
Если мнение вербально не оформлено...	12
Речевые средства манипуляции сознанием: в чем опасность	15
Изобразительно-выразительные средства языка: рисковать или не рисковать?	16
Какие сведения считаются порочащими?	17
В чем особенности преступления, именуемого клеветой?	18
2. Оскорбление	19
Какая фраза унижает честь и достоинство другого лица?	20
Каковы критерии «приличности» в речи?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Осадчий

Правовой самоконтроль оратора

Научный редактор д-р филол. наук Л.А. Араева

Редактор Ю. Быстрова

Технический редактор Н. Лисицына

Корректор А. Данилкина

Компьютерная верстка А. Фоминов, Ю. Юсупова

Дизайн обложки С. Дьяков

© Осадчий М.А., 2007

© ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

Стремление защитить свою честь, достоинство и репутацию от посягательств онтологически присуще человеку. В разные периоды истории оно то обостряется, то ослабевает. И это естественно – ведь сила данного стремления зависит от того, насколько ценит государство личность и ее права. Неудивительно, что в России постсоветского периода – периода гласности и расширения личных свобод – судебные иски о защите чести и достоинства стали обычной практикой.

Вот почему книга Михаила Осадчего так актуальна и злободневна. Автор поднимает сложные вопросы, относящиеся к разграничению понятий «личное мнение» и «сообщение сведений». На страницах книги сопоставляются общекультурная и юридическая семантика таких понятий, как «оскорбление», «клевета», «угроза».

Автор не обошел вниманием и важнейшую для современного поликультурного общества проблему вербального экстремизма. Не успели утихнуть споры правозащитников о чрезмерной жесткости Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», не успело еще общество привыкнуть к назначенной «цене» слова – как вышла новая редакция Закона, где понятие экстремистской деятельности расширено. Именно о вербальных формах экстремизма говорится в новой редакции Закона: уточнены некоторые определения, расширен список типов коммуникативных актов, признаваемых экстремистскими. Впрочем, несмотря на очевидную злободневность, эта тема сегодня практически не обсуждается на страницах серьезных аналитических изданий. Автор попытался восполнить данный пробел. В книге сделан анализ законодательных актов, предусматривающих ответственность за вербальные проявления экстремизма, рассмотрены основные формы этого явления (призыв, пропаганда, возбуждение ненависти и вражды и др.).

Достоинством книги является также подборка судебных архивов по процессам о защите чести и достоинства, оскорблении, клевете, а также криминальным проявлениям экстремизма. В качестве иллюстрации разобрано нашумевшее дело журналистки Ирины Ароян против артиста Филиппа Киркорова. Думаю, каждый читатель что-то слышал о данном процессе, но лишь «что-то». В книге же делается документально-фактологический анализ данного спора.

Текст книги построен как диалог, что позволяет опытному и искушенному читателю продумать собственные варианты решения теоретических и практических проблем, связанных с вербальными правонарушениями.

Научный редактор

Введение

Каждое сказанное публичным человеком слово многократно цитируется и оценивается. Неудачно «вылетевшее» слово меняет не только ход деловых событий – публичная речь может обернуться уголовным наказанием... Распространение сведений, задевающих честь, унижающих достоинство и порочащих деловую репутацию; оскорбление, клевета, публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение вражды или ненависти, а равно унижение человеческого достоинства по мотивам принадлежности к нации, расе, религиозной или социальной группе – вот неполный перечень правонарушений, совершаемых словом.

Предметом вербального (словесного) правонарушения является речевое высказывание, фраза, произнесенная или распространенная письменно во времени и пространстве. Отдельные слова и выражения не могут быть предметом вербальных правонарушений. Однако отдельные слова зачастую оспариваются в суде – но только в составе некоего полноценного высказывания (высказывание может состоять и из одного слова). Почему так происходит?

Дело в том, что отдельное слово, взятое из словаря, не отнесено к действительности – это просто слово, единица языка. Только когда слово высказано во времени и пространстве, оно приобретает, как говорим мы, лингвисты, *референциальную отнесенность*. Это значит, что слово соотносено с кем-то или чем-то в действительности, т. е. в момент высказывания появляется **объект** правонарушения – конкретное лицо с опороченной репутацией или государство – его строй и безопасность.

Высказывание – феномен сложный. Мы оперируем им постоянно в своей социокультурной и психической (думаем мы тоже словами!) деятельности. Однако закон регламентировал применение этого феномена. Правовой оценке подлежат три составляющие высказывания – форма, содержание и прагматика.

Форма высказывания может быть приличной или неприличной, иметь эмоционально-стилистическую окраску (оскорбительную, унижительную). Неприличное характеризующее высказывание или высказывание с оскорбительной эмоциональной окраской в адрес кого-либо может стать поводом к возбуждению уголовного дела по ст. 130 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Оскорбление». Кроме того, высказывание может иметь форму утверждения или выражать предположение, представлять собой мнение или сообщать о фактах. Этот аспект формы значим для квалификации деяния по ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Защита чести, достоинства и деловой репутации», ст. 129 УК РФ – «Клевета». Жанровые характеристики также во многом ориентированы на форму высказывания. Жанр призыва и пропаганды особо представлен в уголовном законодательстве – в той его части, где предусматривается ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды (ст. ст. 280, 282 УК РФ).

Анализ *содержания* высказывания позволяет установить, идет ли речь о конкретном лице (т. е. может ли быть установлен потерпевший), что об этом лице сказано (является ли данная информация порочащей или унижающей). Жесткие требования к содержательной стороне высказывания предъявляются всеми статьями Гражданского и Уголовного кодексов, в которых предусмотрена ответственность за совершение вербальных правонарушений.

Наконец, *прагматика* высказывания – это надтекстовый компонент: позиция автора высказывания, его коммуникативные цели и задачи, гипотетическая реакция слушателя (читателя). Прагматика высказывания говорит о **субъективной стороне** правонарушения: помогает выяснить, содержатся ли в самом высказывании, его форме и содержании признаки того, что автор осознавал суть совершаемого действия, желал ли автор последствий, которые наступили (или могли наступить). Прямым умыслом выражается субъективная сторона таких пре-

ступлений, как клевета (ст. 129 УК РФ), в том числе клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ); неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), публичные призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Правонарушения, предусмотренные ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации), а также ст. 130 УК РФ (Оскорбление), могут совершаться и с косвенным умыслом, когда субъект равнодушен к последствиям своего поступка.

Задача настоящей книги – очертить зоны риска в публичном выступлении (устном или письменном), потенциально опасные с точки зрения правовых последствий моменты. Автор привел рекомендации, призванные помочь ораторам (выступающим с трибуны, пишущим в СМИ) сформировать навыки правового самоконтроля – способности высказываться открыто и эмоционально, не претупая закон.

В части I проанализированы зоны риска, в которых возможны преступления против чести и достоинства, а также вербальные проявления экстремизма. Разъясняется содержание статей Гражданского и Уголовного кодексов, предусматривающих ответственность за вербальные правонарушения против личности: ее нематериальных благ (честь, достоинство, доброе имя), и государства – его безопасности, целостности.

Чтение кодексов зачастую вызывает множество вопросов: «Что считать мнением?», «Как быть с риторическими приемами?», «Какая форма является неприличной?», «Каковы признаки жанра пропаганды и призыва?», «Какая информация может возбудить национальную рознь?» и т. д. На все эти вопросы дается лингвистический ответ, основанный на достижениях современной языковедческой науки, а также положениях российского права.

Однако задача книги не только в том, чтобы предостеречь оратора (пользователя языка) от возможных «промахов», но и сориентировать в уже разгоревшемся судебном споре. В судебных процессах по вербальным правонарушениям основным доказательством является мнение специалиста в области лингвистики, как правило, оформленное в виде судебно-лингвистической экспертизы. Проблемам ее назначения и производства посвящена глава 3. Она учит оратора умело пользоваться такой формой доказательства, как заключение судебного эксперта-лингвиста. В главе раскрываются «секреты» его составления, «слабые» и «сильные» места. Это поможет оратору (участнику процесса) оценить необходимость заключения эксперта для успеха процесса, а также прогнозировать возможные выводы специалиста.

В части II представлена судебная практика по видам правонарушений, описанных в части I. Речь идет о тех судебных процессах, где фигурирует заключение лингвиста. В качестве примера автор приводит наиболее сложные дела, в которых лингвистическая экспертиза повлияла на ход судебного разбирательства. Все «повороты» процесса, стратегии и «ходы» сторон подробно комментируются.

Приложением к книге дается библиография современной отечественной научной литературы по юридической лингвистике, лингвистической экологии и конфликтологии – чтобы заинтересованный читатель мог самостоятельно осмыслить проблемы, не получившие глубокого анализа в данной книге.

Автор выражает признательность своему учителю – юристу, доктору филологических наук, профессору Людмиле Алексеевне Араевой, которая не только руководила написанием данной книги, но и дарила материалы по своей судебно-экспертной практике.

Автор рад, что рецензентом книги согласился выступить руководитель «Ассоциации лингвистов-экспертов “Лексис”», редактор знаменитой серии «Юрислингвистика» профессор Николай Данилович Голев. Благодарю его за ценные рекомендации по доработке книги и мате-

риалы к библиографии. Обращаю внимание читателя на то, что в конце книги помещена рецензия Н.Д. Голева – произведение оригинальное и глубокое.

Часть первая

1 Вербальные преступления против личности

1. Задетая честь, поруганное достоинство и опороченная деловая репутация

В соответствии со статьей 150 ГК РФ честь, достоинство и деловая репутация являются нематериальными благами любого человека. Гражданин имеет полное право на защиту своих нематериальных благ в судебном порядке. К сожалению, в современном коммуникативном пространстве нематериальные блага человека очень часто страдают, становясь объектом агрессивных нападок. Сегодня наиболее популярным способом призвать к ответу неосторожного оратора является судебный иск о защите чести, достоинства и деловой репутации.

В соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации) гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Для того чтобы автор публикации или публичного высказывания был привлечен к ответственности по ч. 1. ст. 152 ГК РФ или ст. 129 УК РФ, необходимо наличие следующих условий (в их совокупности!):

1. оспариваемая информация **распространена**;
2. она является **сообщением сведений**, а не **выражением мнения** автора;
3. данные сведения **не соответствуют действительности**;
4. информация носит **порочащий** характер.

Особо для ст. 129 УК РФ:

5. преступление совершено с **прямым умыслом**.

В гражданском процессе факт распространения сведений, а также их порочащий характер доказывается истцом. Обязанность же по доказыванию правдивости сведений возлагается на ответчика.

Отметим, что на практике в центре судебного разбирательства может оказаться и мнение – но уже в соответствии не с п. 1, а п. 3 ст. 152 ГК РФ.

В Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан...» сказано:

«Лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему п. 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку».

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»

Следовательно, нарушение этого права гражданина является поводом для обращения в суд. Причем мотивацией исковых требований может стать только официальный или фактиче-

ский отказ СМИ от публикации ответа или комментария. Сам факт публикации «обидных» оценочных суждений судебному оспариванию не подлежит. Из процитированного Постановления следует: суду не нужно доказывать, что распространенные высказывания являются сведениями – участники процесса могут считать их мнением. Важно доказать, что опубликованные оценочные суждения задевают честь и унижают достоинство конкретного лица, т. е. наносят ущерб нематериальным благам, которые гарантирует ст. 150 ГК РФ. Однако и состав исковых требований ограничен законом: истец не может просить суд признать публикацию порочащей (как по ч. 1 ст. 152). Он может лишь потребовать, чтобы суд обязал СМИ опубликовать его комментарий или ответ.

Впрочем, и эти требования могут остаться неудовлетворенными. На мой взгляд, Пленум ВС допустил неточность в своем комментарии к ст. 152 ГК РФ (см. цитату, приведенную выше). В оригинальном варианте пункт 3 данной статьи своим предметом все же имеет **сведения**, а не **«оценочные суждения или мнения»**, как это сформулировано в Постановлении:

«Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации».

Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 152, п. 3

Теперь предлагаю отвлечься от ч. 3 ст. 152 ГК РФ. Далее мы рассмотрим значимые для судебного процесса вопросы, связанные с наиболее сложной и «популярной» ч. 1 ст. 152 ГК РФ. Напоминаю, что данная статья предполагает ответственность за распространение лживых сведений порочащего характера.

Выражение мнения и сообщение сведений: в чем различие

Как правило, в качестве основного аргумента в возражениях на исковые требования о защите чести и достоинства ответчик приводит утверждение, что оспариваемая публикация выражает субъективное мнение автора статьи. Ответчики активно ссылаются на статью 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Однако такие заявления не принимаются судом на веру: факт, что фраза является выражением мнения, а не сообщением сведений, еще нужно доказать.

Все дискуссии, возникающие в связи с делами о защите чести и достоинства, убеждают: вопрос о том, что считать мнением, а что – сведениями, обсуждается давно, но так и остается нерешенным. До сих пор неясно, какая наука – лингвистика или юриспруденция – должна дать определение понятиям «мнение» и «сведение». Сегодня лингвист-эксперт вынужден сам решать эту проблему исходя из своего собственного научного опыта, а порой и просто языкового чутья. В судебно-экспертной практике наметились два параметра, разграничивающих выражение мнения и сообщение сведений: формально-семантический и прагматический.¹

Суть **формально-семантического параметра** сводится к поиску в исследуемой фразе специальных слов-маркеров (слов-показателей), которые однозначно указывают на коммуникативную функцию фразы или ее фрагмента. Под **коммуникативной функцией** понимается назначение фразы в событии общения – выразить мнение автора или сообщить собеседнику сведения.

¹ Голев Н.Д. Юрислингвистика и прагматика: о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. к региональной науч. – практ. конф. памяти профессора И.А. Воробьевой / Под ред. В.А. Чесноковой. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 146–148.

Если оратор желает выразить заведомо отрицательное мнение по поводу кого-либо, то следует обезопасить себя, включив в высказывание маркер: «по моему мнению», «мне кажется» и т. п.

Если в тексте встречаются слова и выражения «по моему мнению», «мне кажется», «думается», «могу предположить», «я предполагаю» и подобные, то фрагменты текста, к которым относятся данные слова, признаются выражением мнения. Конструкции со словами «наверное», «мне кажется» и подобные расцениваются как предположения и приравниваются к выражению мнения. Если же фраза не содержит таких слов-маркеров, она квалифицируется экспертом как сообщение сведений.

Этот способ – самый простой и действенный, однако он таит в себе «подводные камни». Например, в газете опубликовано:

«Я думаю, украденные им из бюджета деньги он пустил на незаконные разработки природных ресурсов нашей области».

Если бы данная фраза фигурировала в деле о защите чести и достоинства или клевете, то ответчик (подсудимый) настаивал бы на том, что данное высказывание является выражением его собственного мнения, и ссылаясь бы на вводное предложение «я думаю». Однако судебная экспертиза признает правоту ответчика (подсудимого) лишь частично. Дело в том, что в предложении фактически сообщено о двух событиях: (1) *«он украл деньги из бюджета»* и (2) *«он пустил деньги на незаконные разработки природных ресурсов»*. Оба эти сообщения (при условии несоответствия действительности) являются порочащими, поскольку приписывают совершителю преступные деяния. Вводный элемент «я думаю» относится только к сказуемому рассматриваемого предложения – слову «пустил». Таким образом, предположения строятся только относительно второго поступка – того, **на что именно** были пущены деньги. Факт предварительной кражи денег заявлен во фразе как давно известный и сомнению автором не подвергается. Следовательно, первая часть информации *«он украл деньги из бюджета»* квалифицируется как сообщение сведений; вторая часть *«он пустил деньги на незаконные разработки природных ресурсов»* – как выражение мнения.

При использовании вероятностных маркеров типа «наверное», «думаю» и т. п. следует учитывать их «оборотную» сторону – значение утвердительности, проявляющееся в ироничном контексте.

Стоит также учесть, что в современном русском языке слова типа «наверное», «думаю» и т. п. могут использоваться для утверждения, а не предположения. Примеры таких случаев:

«Уж наверное, наш директор себе зарплату не задерживает и его карман, как наш, не страдает»;

«Думаю, вы-то поблажками пользуетесь...».

Для правильной оценки коммуникативной функции данных фраз важно проанализировать интонационно-стилистический и эмотивный рисунок текста: если фраза подобного типа в речи оратора имеет ироническую окраску и произносится с соответствующей интонацией, либо же она оформлена на письме соответствующими знаками (например, финальным многоточием, а в интернет-чате – так называемыми смайликами), то вероятностное значение слов «наверное», «думаю» обращается в **утвердительное** и может быть расценено судом как сообщение сведений.

Если мнение вербально не оформлено...

В таких случаях фраза не содержит никаких внешних показателей выражения мнения, предположения (слов-маркеров). Вместе с тем высказывание, как правило, изобилует субъективной экспрессией, т. е. является эмоциональным, оценочным. Подобная форма дает повод

ответчику (ст. 152 ГК) или подсудимому (ст. 129 УК) настаивать: «Это было мое личное мнение, я так думал и чувствовал». То есть акцент делается на эмоциональном состоянии автора, а также его взглядах в момент написания (произнесения) текста (речи). Как правило, такие доводы судом не принимаются в качестве убедительных и действенных. Противоположная ситуация складывается в отношении мнения адресата речи (слушателя, читателя). Ему суд склонен доверять в большей степени, и зачастую мнение адресата становится решающим при определении коммуникативной функции текста (фразы). В этом суть **прагматического параметра** при идентификации мнения и сведений.²

На практике это выглядит следующим образом. Суд рассматривает газетную публикацию, в которой содержится фраза предположительно порочащего характера:

«И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции...».

Истец утверждает, что в данной фразе содержится сообщение о том, что он решил идти в политику ввиду своей несостоятельности в качестве управленца-промышленника. Во фразе нет каких-либо слов-маркеров, формальных признаков мнения, предположения. Вместе с тем высказывание носит выраженный субъективно-оценочный, эмоциональный характер: автор употребил слова и выражения в переносном значении и с ироничной окраской («потерпевший фиаско» вместо «потерпевший неудачу»; «проснулись политические амбиции» вместо «решил пойти в политическую сферу»).

Суд задается вопросом: «Как воспринимается данная фраза рядовым читателем – как выражение мнения автора или же «берется на веру», т. е. расценивается как сообщение сведений?» Для ответа на данный вопрос привлекается, как правило, лингвист, владеющий навыками психолингвистического анализа. Возможно также назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы с привлечением двух специалистов. Вывод эксперта может быть как радикально однозначным (*анализируемая фраза воспринимается рядовым читателем как мнение*), так и двояким с указанием большей вероятности одного из вариантов (*данная фраза воспринимается рядовым читателем как выражение мнения, восприятие в качестве сообщения о фактах возможно, но маловероятно*). Эксперт также может сформулировать ответ радикально двояко, не склоняясь ни к одному из возможных вариантов (*данная фраза может восприниматься рядовым читателем и как выражение мнения, и как сообщение сведений*). В случаях такого двоякого ответа (т. е. при равновероятности восприятия в качестве выражения мнения и сообщения сведений) фраза обычно квалифицируется как «сообщение сведений».

В случае с приведенной фразой эксперт будет руководствоваться тем, что оспариваемое высказывание содержится в публикации, которая была размещена в авторитетной региональной общественно-политической газете с большим тиражом. Автор данной статьи также известен читателям как грамотный аналитик. Кроме того, с лингвистической точки зрения текст статьи структурирован и организован. Выражая свою мысль, автор выстроил систему доводов и аргументов, что сделало текст убедительным. Таким образом, факторы, не имеющие прямого отношения к оспариваемой фразе (авторитет издания и автора, лингвистические характеристики всего текста публикации), говорят в пользу того, что высказывание «*И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции...*» будет воспринято рядовым читателем как сообщение сведений.

Наличие во фразе экспрессии, эмоционально-оценочных компонентов не исключает возможности того, что высказывание (или его часть) будет расценено судом как сообщение сведений.

² Эрделевский А. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 17.

Суд может разрешить вопрос о коммуникативной функции высказывания и без опоры на потенциальное мнение адресата – т. е. базируясь исключительно на формально-объективных показателях – форме и содержании самой фразы. Для этого эксперту-лингвисту адресуется вопрос: «Является ли фраза в полной мере оценочной и выражающей субъективное мнение автора?» Такая формулировка включает в себя исследовательский аспект особого рода: рассмотрение возможности сочетания мнения и сведений в одном высказывании, выяснение их долевого соотношения, а также информативного наполнения. Соответственно, задача эксперта в том, чтобы выяснить, какая часть смысла передана в виде мнения, а какая – в форме сведений.

Приведем фрагмент судебно-лингвистической экспертизы по фразе «*И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции*»:

«Фрагмент «И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции» сочетает в себе как выражение мнения, так сообщение сведений. К сведениям относится информация: «потерпев неудачу в качестве хозяйственника, Корнев ушел в политическую сферу» (исходя из контекста статьи, Барин – Виктор Корнев). Слово «хозяйственник» обозначает того, «кто управляет хозяйственной деятельностью в какой-либо области промышленности, сельского хозяйства». О том, что В. Корнев потерпел неудачу в качестве хозяйственника, прямо не сообщается. Однако в предложении употреблена вставная конструкция с союзным словом «как»: «...как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками...». Союзное слово «как» в данном случае вносит сравнительное значение. Функция сравнения состоит в том, чтобы провести прямую параллель между двумя (и более) ситуациями, прояснить одну ситуацию на основе другой, указать на сходные стороны этих ситуаций. В рассматриваемом фрагменте проводится параллель между «потерпевшими фиаско хозяйственниками» и В. Корневым. Следовательно, о В. Корневе сообщается, что он потерпел неудачу в качестве управленца, производственника. К выражению авторской точки зрения относится ироничная оценка управленческой, производственной деятельности, а также желания В. Корнева идти в политическую сферу. Сведения о том, что В. Корнев является несостоявшимся хозяйственником, потерпел неудачу в управленческой, производственной деятельности, порочит его честь, достоинство и деловую репутацию».

Как видно из приведенного фрагмента экспертизы, в оценочном по форме высказывании, насыщенном экспрессией, можно выделить как субъективно-эмоциональный компонент, так и фактические сведения. Субъективно-эмоциональный компонент говорит об отношении автора к объекту повествования – тому, о чем говорится в тексте. В рассмотренном случае автор выражает свое ироничное отношение к истцу и его деятельности. Такое отношение автора публикации может задевать честь истца, «обижать» его. Но закон признает за гражданином право выражать субъективное мнение, свое отношение к чему-либо. Следовательно, экспрессивный (иронический) компонент в данном высказывании неподсуден. Однако экспертиза выявила во фразе и информативно-фактический компонент: сообщение сведений. Именно он и дал основание для признания содержания фразы порочащим.

Высказывания, в которых использованы жесткие средства манипулирования сознанием адресата речи, могут быть приравнены к

сообщению сведений – даже при наличии внешних показателей выражения мнения (слов-маркеров «мне кажется», «наверное» и т. п.).

Речевые средства манипуляции сознанием: в чем опасность

Манипуляция – это скрытое воздействие на сознание, волю и поведение человека. Воздействовать можно разными методами, в том числе и языковыми. Внешне фраза может быть оформлена как выражение мнения, с использованием соответствующих слов-маркеров в их прямом значении. Однако детальный анализ показывает, что при формулировании данной фразы были использованы методики скрытого речевого воздействия. В этом случае неискушенный читатель неизбежно принимает такое мнение «на веру» – и фраза, построенная по вероятностному типу, работает как утверждение...

Манипуляцию необходимо отличать от простого желания донести личное мнение. Задача каждого оратора – убедить слушателя (читателя), донести до него свою точку зрения. Для этого оратор обрабатывает свой текст, продумывает выступление: выстраивает композицию, аргументативный аппарат, подбирает примеры и иллюстрации. Это нормальный процесс. Закон признает за каждым гражданином право выразить и разъяснить свое мнение. Однако попытка **донести** мнение не равна попытке **внушить** свою точку зрения. В первом случае оратор обрабатывает текст с целью сделать его доступным для адресата речи: выбирает понятные термины, удобные средства передачи информации, работает на облегчение восприятия, стремится сделать текст прозрачным и понятным. Во втором случае оратор использует в своей речи средства воздействия на сознание (подсознание) адресата, т. е. стремится воздействовать на подсознательный компонент личности, чтобы сформировать выгодное для себя убеждение.

Итак, манипулятивной (т. е. потенциально оказывающей воздействие на сознание/подсознание адресата речи помимо его воли) является фраза, в которой использованы средства скрытого речевого воздействия. К таковым относятся: многовекторное воздействие, психологическое давление, психический автоматизм, эксплуатация личных качеств адресата (данные виды речевого манипулирования выделены В.Н. Куницыной, Н.В. Казариновой, В.М. Погольшей³), а также нейролингвистическое программирование (НЛП-технологии) и гипноз. Поясню некоторые методы.

Многовекторное воздействие имеет место, как правило, в устных выступлениях, когда оратор «обрушивает» на слушателя информацию сразу по нескольким каналам: произносимая речь, воздействует аудиально – одновременно звучит музыка, настраивающая слушателя на «нужный» лад; кроме того, аудитории показывают слайды, видеоролики – «забивая» тем самым и визуальный канал. Многовекторность может выражаться и в том, что оратор возбуждает сразу несколько противоречивых эмоций: страх, надежду, ужас, радость.

Многовекторное воздействие редко обходится без **психологического давления**: в этом случае оратор воздействует не на рациональную, а на эмоциональную составляющую личности слушателя. Первичная задача оратора – обескуражить слушателя, «отключить» у него разум, полностью погрузив в мир эмоций. При этом важен не только качественный параметр (какие эмоции возбуждаются, по каким каналам проходит информация), но и количественный – эффект давления (с какой силой проходит информация). Чтобы усилить эффект давления, оратор громче говорит, делает громче музыку и ярче свет, активнее двигается. Однако возможна и обратная ситуация, когда речь неестественно замедляется, становится монотонной, и все это происходит на фоне минорной музыки и при абсолютной неподвижности оратора.

³ Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб. «Питер», 2002. 544 с.

Довольно интересен метод **психического автоматизма**. В этом случае оратор делает ставку на инстинкты адресата речи – безусловные, автоматические реакции. Примером фразы, апеллирующей к психическому автоматизму, является следующее высказывание:

«По моим личным наблюдениям, где бы ни заправлял господин Саковский, неизбежно и довольно быстро на предприятии наступал коллапс: убытки, банкротства, увольнения. И ничто не подсказывает мне, что и ВЫ останетесь на рабочем месте и ВАМ (уже чуть ли не завтра) будет чем кормить СВОИХ детей...»

Автор довольно искусно «запугал» слушателей (работников завода на выборном собрании). Казалось бы, автор ничего не утверждает – он делится впечатлениями. Однако во фразе он не просто обрисовал нежелательное для слушателей будущее. Он представил ситуацию, которой аудитория *панически* боится: в небольшом городке потеря работы подобна смерти. Оратор в своем выступлении апеллировал к инстинкту самосохранения и родительскому инстинкту («ничто не подсказывает мне, что ВАМ (уже чуть ли не завтра) будет чем кормить СВОИХ детей...»). Когда в сознании человека возникает образ опасности для жизни детей или его собственной жизни – реакция незамедлительна: отторжение, противодействие, агрессия. Мозг в этих случаях даже не желает «обдумывать» реакцию, ее форму и обоснованность. Даже если рассмотренная фраза и не вызвала в зале ропот, то надолго «вживила» в сознание слушателей ассоциацию «Саковский – опасность». Оратор достиг своей цели – дискредитировал оппонента. Причем если обычно дискредитация предполагает публикацию «очерняющих» сведений, наличие аргументов, то в данном случае оратор не заботился об убедительности своих доводов – он их просто не привел. Его речь – чистейшей воды демагогия. Но оратор и не стремился пробиться к **сознанию** слушателей, заручиться их согласием и поддержкой. Он прицельно бил по **инстинктивно-эмоциональной** сфере, рассчитывая на незамедлительную автоматическую психическую реакцию.

Воздействие может осуществляться и с помощью графики: **использованием шрифтов, ВЫДЕЛЕНИЙ**; особым расположением текста (например, диагональным – в этом случае нижняя часть текста сообщает о чем-то менее значимом, недостойном внимания, в то время как «значимые» компоненты размещены наверху).

Еще более жесткими средствами речевого воздействия являются НЛП-технологии и гипноз. Фразы, в которых реализованы данные методы, не приглашают читателя (слушателя) к дискуссии, к обсуждению проблемы – напротив, они создают условия для однозначного и безапелляционного принятия фактов, причем в ракурсе, заданном автором. Подобного рода фразы (пусть даже и оформленные как мнение) могут быть квалифицированы экспертом-лингвистом как *сообщение сведений*.

Изобразительно-выразительные средства языка: рисковать или не рисковать?

Изобразительно-выразительные средства – часто используемый, если не сказать обязательный, инструмент оратора. Тропы и речевые фигуры делают текст ярким и эмоциональным. Однако зачастую высказывания, осложненные изобразительно-выразительными средствами, становятся конфликтными и фигурируют в судебных процессах по защите чести и достоинства, а также оскорблению и клевете. Вот некоторые примеры конфликтных фраз, в которых использованы тропы и фигуры:

- метафоры (слова в переносном значении): *«Депутат С*** освистал и забросал камнями докладчика, который, увы, ничем не мог парировать, и аргументы С*** победоносно зависли в воздухе – без контраргументов побитого Р***»;*
- гипербола (преувеличение): *«Да у него ж совсем нет совести, раз он так поступил!»;*

- эпитет (образное определение): «*Директор отчитывал сотрудников громоподобным голосом*».

В подобных случаях каждый читатель понимает, что автор стремился приукрасить свой текст, потому и позволил себе излишнюю эмоциональность и категоричность. Вычленение «преувеличенного» смысла обычно не составляет для рядового языкового носителя особого труда. Так, прочитав фразу «Депутат С*** *освистал и забросал камнями докладчика...*», читатель не воспримет буквально слов «освистал и забросал камнями». Напротив, он сделает вполне разумный вывод: докладчик навлек на себя активную критику, которая, по всей видимости, была справедлива, поскольку не встретила возражений. Такой же разумной будет реакция читателя на фразу «Да у него ж *совсем нет совести*, раз он так поступил!».

В практике автора был подобный случай. Истец требовал признать фразу типа «Да у него ж *совсем нет совести*, раз он так поступил!» порочащей в двух частях: в части, где сказано, что он поступил не по совести, и в части, сообщающей об отсутствии у него совести как морально-психического компонента личности. Эксперт-лингвист доказал, что в оспариваемой фразе использован риторический прием (гипербола), выраженный во фрагменте «*у него ж совсем нет совести*». Данный фрагмент фразы не должен восприниматься буквально, потому расценивается как выражение авторского мнения, субъективной оценки. Напротив, часть фразы, где говорится, что истец поступил не по совести, расценена как сообщение сведений и, как следствие, признана порочащей.

Риторические приемы практически неподсудны с точки зрения ст. 129 УК РФ и ст. 152 ГК РФ.

Однако риторический прием, будучи субъективной оценкой, может быть выражен корректно или с нарушением коммуникативных норм, т. е. неприлично. В последнем случае метафоры, эпитеты, гиперболы и т. п. могут быть признаны оскорбительными уже в соответствии со ст. 130 УК. Примерами оскорбительного риторического приема служат слова-метафоры «*козел*», «*свинья*», «*курица*», использованные для оценки другого лица.

Какие сведения считаются порочащими?

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» дано определение термина «порочащие сведения». Ими «в частности, являются сведения, содержащие сообщения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина либо юридического лица».

Однако в процитированном определении понятия «порочащие сведения» существует неопределенность, которая возникает из-за вводного слова «в частности». В то же время такая открытость и незамкнутость списка сведений, относимых к категории порочащих, имеет и свои плюсы: суд может находить выход из неординарных ситуаций.

При произнесении публичной речи, написании статьи для СМИ стоит учитывать, что к числу порочащих относят сведения, которые *потенциально* (не обязательно реально) отрицательно влияют на деловой имидж, репутацию лица, задевают его честь и унижают достоинство. Истец не обязан доказывать, что публикация нанесла ему *фактический* вред. Заключение эксперта-лингвиста о том, что публикация содержит утверждения о нарушении гражданином

(юридическим лицом) действующего законодательства или моральных принципов, доказывает порочащий характер публикации.

В чем особенности преступления, именуемого клеветой?

Важно, что такое преступление, как клевета (ст. 129 УК РФ), совершается с **прямым умыслом**, в то время как субъективная сторона распространения порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ) не обязательно характеризуется прямым умыслом. Это отличие носит принципиальный характер, разграничивая акт распространения порочащих сведений и оклеветание – по сути, отделяя гражданское правонарушение от уголовно наказуемого преступления.

Предположим, некто публично произнес фразу:

«Это Иванов украл ваши документы. Вот он!»

Чтобы понять, с каким правонарушением мы столкнулись, необходимо выяснить, с какой целью субъект речи произнес данную фразу. Безусловно, такая информация может быть извлечена из контекста – как внутритекстового, так и коммуникативного (ситуации общения).

Очевидно, что пропажа документа крайне неприятное событие. Никто не желал бы оказаться в аэропорту без паспорта или в больнице без страхового полиса. В этом случае фраза *«Это Иванов украл ваши документы. Вот он!»* может стать спасением. Подобное заявление будет способствовать восстановлению справедливости. Впрочем, впоследствии может оказаться, что Иванов не крал документов... В этом случае лицу, поспешившему обличить Иванова, придется ответить по ч. 1 ст. 152 ГК РФ, а Иванов будет иметь все шансы отстоять свою поруганную честь и униженное достоинство, потребовать опровержения сказанного и компенсации морального вреда.

Однако возможна и иная ситуация: некто желал скомпрометировать Иванова. Для этого он прилюдно и громко произнес: *«Это Иванов украл ваши документы. Вот он!»*. Потом невиновность Иванова раскроется, но важен именно момент произнесения фразы. Как квалифицировать подобное деяние? Как клевету. Усматриваются все признаки преступления: помимо факта распространения (в данном случае сообщения третьим лицам) сведений, не соответствующих действительности, утвердительной формы высказывания и его унижающего содержания – налицо прямой умысел оклеветать. Прямой умысел не всегда легко идентифицировать: нужна серьезная следственная работа (опрос очевидцев, выяснение характера взаимоотношений говорившего с оклеветанным и т. п.).

Именуемый клеветником «должен» осознавать следующее:

1. то, о чем он сообщает, не соответствует действительности;
2. произносимая фраза задевает честь и унижает достоинство характеризуемого лица.

Обе эти составляющие могут быть выявлены в ходе опроса свидетелей, анализа источников информации, к которой имел доступ обвиняемый (знал ли он истину?), и с помощью других методов, которыми владеют следственные работники. Однако прямой умысел на совершение клеветы обнаруживает себя и в самом тексте как коммуникативная составляющая, которая в лингвистике названа **инвективной** – резкой отрицательной оценкой другого лица, выражаемой в виде скрытой или явной агрессии.

Однако такое лаконичное определение ни в коей мере не отражает всю неоднозначность, которая связана с пониманием феномена инвективы, его признаков и свойств. В современной лингвистической конфликтологии, экологической лингвистике допускается множество подходов к инвективе. Для нас важно разграничить два: (1) **инвектива как вид авторской экспрессии** (эмоциональное состояние говорящего: недовольство, ненависть, злость – по отношению к кому-либо) и (2) **инвектива как вид авторской интенции** (коммуникативная цель говорящего: желание навредить кому-либо, подорвать его авторитет, причинить нравственное

страдание). Инвектива как экспрессия проявляется в яркой оценочности речи: использовании ироничных, ругательных, бранных слов и выражений, демонстрации презрения или ненависти. Инвектива как интенция (коммуникативная цель) может и не сопровождаться яркой негативной оценочностью, но всегда работает на главную цель – навредить. Например, нанести вред можно, распространив информацию о чьей-либо судимости. Причем сделать это без единого оценочного слова.

Инвектива-экспрессия более всего близка к оскорблению как проявление резкой оценочности без установки собственно на оскорбление. Теоретически поводом к участию в брани может стать простое желание выразиться, высказаться, уведомить о своей оценке – без желания унижить собеседника. Впрочем, на практике два этих желания легко совместить... В любом случае закон не принимает во внимание мотивы оскорбления.

Наличие инвективы является обязательным условием для идентификации прямого умысла на совершение клеветы. Без выраженной инвективности текста говорить об авторском желании навредить предмету речи трудно.

Инвектива-интенция является мотивационным базисом преступного деяния, именуемого клеветой, – сознательным нанесением вреда характеризующему лицу путем распространения заведомо ложных сведений, унижающих его честь и достоинство.

Сравним уже знакомую фразу: *«Это Иванов украл ваши документы. Вот он!»* – с вариацией на эту же тему: *«А вы представляете, дорогой мой, что за человек этот Иванов? Вот то-то! А я его давненько знаю, еще с университета... Он на такие геройства способен – держитесь подальше! И кто, вы думаете, выкрал документы? Да-да, Иванов. Не ожидали? Хе-хе... А оно так»*.

Фактически клеветническим высказыванием может оказаться любое из двух. Однако в случае с первым сам произнесенный текст мало что может прояснить: фраза *«Это Иванов украл ваши документы. Вот он!»* совершенно нейтральна, в ней прочитывается только позитивное желание – помочь обокраденному. Никакой глубокой личной неприязни к Иванову фраза не содержит. Говорящий уверен, что именно Иванов совершил кражу, и открыто об этом заявляет.

О втором высказывании можно говорить долго. Первое, что обращает на себя внимание, – это коммуникативная ситуация. Если в предыдущем случае обличение было публичным, с прямым и беспристрастным указанием «Вот он!», то рассматриваемый монолог произносится в кулуарах. Следовательно, говорящий имеет некий замысел, который хотел бы скрыть. Высказывание насыщено язвительной иронией, выражающейся в использовании слов с иронически противоположным значением (*«он на такие геройства способен...»* – «геройствами» именуются подлости, которые якобы может совершить Иванов). Иронична и тональность монолога, звучащего на редкость язвительно (ироническое *«Не ожидали? Хе-хе...»*). Все это обнажает глубоко отрицательные авторские эмоции в отношении Иванова. Очевидно также, что неприязнь к Иванову у говорящего давняя (*«А я его давненько знаю, еще с университета...»*), но постоянно подавляется говорящим, который не смеет заявить о своих чувствах открыто, а делает это исключительно в кулуарах, что еще более усиливает негатив, обостряет психологические комплексы говорящего. Мог ли такой человек оклеветать Иванова с целью задеть его честь и унижить достоинство? Судя по составленному психологическому портрету, выделенным речевым приемам – мог, и, скорее всего, приведенный монолог действительно представляет собой распространение клеветнических сведений.

2. Оскорбление

Статьи 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации) и ст. 129 УК РФ (Клевета) очень близки по своим формулировкам и могут быть применены для оценки одного и того же текста. Однако в ст. 130 УК РФ (Оскорбление) акценты расставлены уже иначе. Для ст. 152 ГК РФ и ст. 129 УК РФ важна коммуникативная функция высказывания: какова цель высказывания – выразить мнение или сообщить сведения. Потенциально подсудно только последнее. В ст. 130 УК РФ внимание акцентировано не столько на функции высказывания, сколько на его форме – является ли фраза приличной либо нормы приличия нарушены.

В соответствии со ст. 130 УК РФ «оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Следовательно, чтобы фраза была признана оскорбительной, она должна удовлетворять двум условиям:

1. потенциально унижать честь и достоинство другого лица;
2. быть неприличной по форме.

Рассмотрим эти условия в отдельности.

Какая фраза унижает честь и достоинство другого лица?

В отношении такого критерия оскорбления, как «унижение чести и достоинства другого лица», допустимы два подхода – равновероятные, но не равнозначимые.

В соответствии с первым подходом критерий унижительности фразы для чести и достоинства другого лица заимствуется из судебной практики по делам о защите чести и достоинства. Потенциально унижающей честь и достоинство другого лица признается фраза, сообщающая о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. Как видим, за основу берется Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года, № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Однако существует и иной подход к анализу фразы на предмет ее потенциальной унижительности. Его сторонники резонно отмечают, что уравнивать понятия «порочащий характер» и «унижительность для чести и достоинства другого лица» некорректно. Понятие «порочащей» информации, как оно сформулировано в Постановлении Пленума ВС, выработано в применении к судебной практике по ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации). Использовать данное определение в процессе по ст. 130 УК РФ (Оскорбление) недопустимо – хотя бы потому, что собственно «порочащий» характер могут носить только сведения. А мы знаем, что для процесса об оскорблении коммуникативная функция высказывания неважна: оскорбительной может быть признана фраза, оформленная как в виде сообщения сведений, так и в виде выражения мнения (оценки).

Если при расследовании преступления, предусмотренного ст. 130 УК РФ (Оскорбление), руководствоваться определением порочащих сведений, данными в Постановлении Пленума ВС, то, в частности, такие бранные выражения, как «да пошел ты в...», не могут быть признаны оскорбительными.

Если в процессах по ст. 130 УК РФ применять определения Постановления Пленума ВС (т. е. использовать определение «порочащих сведений» для толкования высказывания, «унижающего честь и достоинство другого лица»), то нельзя признать оскорбительным, в частности, высказывание, построенное по модели «*да пошел ты на...*» или «*иди ты в...*», поскольку подобные фразы не сообщают об адресате («посылаемом») никакой порочащей информации. Однако при этом очевидно, что ругательное выражение «*да пошел ты в...*» оскорбительно.

Как мне кажется, сложившееся затруднение может быть разрешено с помощью простого логико-лингвистического анализа формулировок закона. Совершенно ясно, что смысл слов «пороченье» и «унижение» различен. Во-первых, пороченье – это очернение личности в чьих-либо глазах. Без стороннего наблюдателя опорочить кого-либо невозможно. Следовательно, порочащей может быть только распространяемая информация. Во-вторых, опорочить, очернить кого-либо можно только, уличив человека в предосудительных поступках, т. е. сообщить о нем какие-либо сведения, изложить факты, рассказать о событиях. Трудно признать порочащей фразу «*Вы мне не нравитесь!*». Следовательно, порочащими могут являться только сведения, но не оценки.

Если принять данную позицию за методологическую основу, то для квалификации фразы как оскорбительной достаточно доказать ее (1) неприличность, а также (2) адресованность лицу, посчитавшему себя оскорбленным.

По приведенным параметрам значение слова «пороченье» («порочить», «опорочить») принципиально отличается от смыслового наполнения слова «унижение» («унижать», «унизить»). Унижение – это нанесение вреда (психологической травмы) не **репутации** личности, а самой **личности**, человеку. Поэтому унижить человека можно, общаясь с ним один на один – без размещения высказывания в СМИ или публичного его озвучивания. Для того чтобы почувствовать себя униженным, достаточно услышать в свой адрес ругательную фразу. Понятно, что нанести психологическую травму можно и с помощью оценочного высказывания. Скажу больше, именно оценки чаще всего становятся инструментом оскорбления. Большинство так называемых «матерных выражений» в реальной коммуникации лишились прямого значения, оставаясь лишь показателем яркой субъективной оценочности.

Законодатель, формулируя положения ст. 130 УК РФ, под оскорблением понимал **глубочайшую психологическую травму**, которую наносит человеку неприличная по форме фраза, высказанная в его адрес. Но никак не очернение личности в глазах третьих лиц, иначе в ст. 130 УК РФ фигурировало бы слово «пороченье», а не «унижение».

По мнению многих судебных экспертов, эта психологическая травма наносится уже самой **неприличной формой** фразы, адресованной конкретному лицу. Следовательно, в ситуации, когда один человек произносит в адрес другого фразу, построенную по модели «*да пошел ты в...*», оскорбление имеет место. Смысловое содержание фразы в данном случае малозначимо.

Каковы критерии «приличности» в речи?

Дискуссия о том, что считать неприличной формой, не новее спора о разграничении понятий «мнение» и «сведения». Наиболее простое толкование понятия «неприличный» – *не соответствующий нормам приличия*. Но каковы они – нормы приличия? Являются ли они раз и навсегда данными или варьируются в зависимости от ситуации? По сути, в этом вопросе и сформулированы два возможных подхода к понятию «неприличная форма» – ортологический (нормативный) и релятивный (относительный).

Если употребленное оратором слово содержится в словарях современного русского литературного языка, то есть возможность отстоять в суде допустимость произнесенного высказывания в публичном выступлении.

Ортологический подход к проблеме приличия языковой формы предполагает ориентацию на корпус правил и норм современного русского литературного языка. Литературный язык является наиболее нормированной, классической и кодифицированной формой национального языка, на литературном языке написаны произведения классической литературы. К

элементам литературного языка не относятся просторечные, нецензурные, грубые жаргонные слова и выражения (например: *приперся*, *рожа*, *морда* (о лице), *жиртрест* (о полном человеке), *паршивый*). С этой точки зрения фразы типа «Закрой свою хлебрезку, паршивец!» или «Да у тебя, жиртрест, рыха до пола свисает!» будут неприличными и, соответственно, оскорбительными.

Однако дела по оскорблению редко возбуждаются по факту уличной или бытовой брани, где и используются фразы подобного типа. В большинстве случаев предметом разбирательства является газетная публикация, официальный документ (например, жалоба), разговор в учреждении. В этих случаях маловероятны проявления крайней грубости, однозначно квалифицируемой как неприличная форма. Чаще мы имеем дело с пограничной ситуацией, когда фраза является отрицательно-оценочной, но не грубопросторечной. Рассмотрим пример:

«Я такого, как вы, идиота еще не встречал. Вы – дурак, каких мало!!!».

С точки зрения ортологического подхода данная фраза является приличной, поскольку все слова в ней зафиксированы в словарях современного русского литературного языка и используются в классической литературе. Впрочем, давно замечено, что словари русского литературного языка отличаются либеральностью: в них включены откровенно просторечные слова («*вонять*», *дрянь* и т. п.). Это позволяет сделать вывод о том, что ортологический подход несовершенен.

Однако почему все-таки фраза «Я такого идиота еще не встречал. Вы – дурак, каких мало!!!», скорее всего, была бы признана оскорбительной? Во-первых, потому, что каждый здравомыслящий человек расценит ее как непозволительно резкую отрицательную оценку собеседника, т. е. данная фраза наделена первым признаком оскорбительного высказывания – она унижает честь и достоинство другого лица. Однако проблема возникает на уровне второго обязательного признака оскорбительного высказывания – неприличности формы. Думаю, почти каждый эксперт квалифицирует подобную фразу как неприличную. Аргументация здесь проста. Судя по обращению «вы», слова были произнесены в официальной обстановке или в разговоре между людьми, состоящими в официальных отношениях, формат которых не допускает оценок типа «*идиот*», «*дурак*», «*негодяй*». Следовательно, их использование в анализируемом случае противоречит нормам приличия. Впрочем, поиск во фразе зацепок, позволяющих установить формат общения (официальный или неформальный, бытовой), в реальном деле для эксперта-лингвиста излишен: условия произнесения фразы обязательно обозначаются в судебном постановлении о назначении экспертизы.

Как видим, эксперт не стал анализировать фразу с точки зрения соответствия литературным нормам, а оценил *условия ее произнесения*. Это и есть **релятивный подход** к определению приличности или неприличности высказывания – ориентация на коммуникативную ситуацию.

Для релятивного подхода очень важно различать коммуникативную и денотативную ситуации. **Денотативная ситуация** – это конкретно-физические условия беседы: место, время, обстановка. **Коммуникативная ситуация** – понятие иного порядка: это *внутренние* условия разговора, связь той или иной фразы со смежными репликами собеседника, место фразы в общем контексте беседы. При определении приличности или неприличности той или иной фразы с помощью релятивного подхода основной акцент делается именно на коммуникативной ситуации. «В ответ на что прозвучала та или иная фраза?»; «Что заставило говорящего так выразиться?»; «Была ли эта речевая реакция адекватной ближайшему контексту и характеру беседы в целом?» – вот основные вопросы, на которые должен ответить эксперт, идущий по релятивному пути.

Есть возможность говорить о приличии и уместности бранного и нецензурного слова, произнесенного в ответ на другое бранное высказывание, обращенное непосредственно к оратору.

Пример из практики. Прокурор был назван козлом в здании прокуратуры. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ст. 319 УК РФ (Оскорбление представителя власти). В постановлении о назначении экспертизы суд просит ответить на вопрос: «Является ли фраза *«Сам ты козел!»* неприличной по своей форме?». Эксперту предоставляется информация о том, кто и где произнес данную фразу, кому она была адресована, т. е. описана денотативная ситуация – конкретно-физические условия разговора. Имея лишь эти данные, эксперт должен квалифицировать фразу как неприличную, поскольку слово *козел*, примененное для характеристики человека, является грубопросторечным и недопустимым в условиях официального общения в стенах государственного учреждения. Однако из материалов дела эксперту становится известно, что фраза *«Сам ты козел!»* прозвучала в ответ на фразу *«Че ты сюда приперся, черномазый?»*. Таким образом, налицо несовпадение денотативной и коммуникативной ситуаций: физические условия разговора – официально-деловые (разговор с сотрудником прокуратуры, находящимся на рабочем месте), но коммуникативная ситуация принципиально иная – *брань*. Анализируемая бранная фраза произнесена в ответ на другую бранную фразу; наличия двух перекрестных бранных фраз достаточно для констатации ситуации брани. В этом случае эксперт «забывает» о физических условиях разговора и сосредоточивает внимание на коммуникативной ситуации, на контексте произнесения. Фраза *«Сам ты козел!»* противоречит нормам приличия в официально-деловой беседе, но вполне уместна в ситуации брани. Вывод эксперта: фраза *«Сам ты козел!»* в данном случае неприличной не является.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.